
Владислав Баев
Круг жизни

Владислав Баев

Круг жизни

«Автор»
2026

Баев В.

Круг жизни / В. Баев — «Автор», 2026

Поменял десять кофемашин, прожил десять жизней. Встретил её — одиннадцатую. Беги, чини, вспоминай. От Москвы до Венеции за ними идёт Орден, знающий их прошлые имена. Сможет ли мастер по ремонту спасти ту, что падает в цветы уже тысячу лет?

© Баев В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ I. МОСКВА 5
ГЛАВА 1. Кофемашина и римский акведук 5
ГЛАВА 2. Панкратион на лестничной площадке 9
ГЛАВА 3. Зал без зеркал 12
ГЛАВА 4. Лимонная кислота и вылет 15
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Владислав Баев
Круг жизни

ЧАСТЬ I. МОСКВА

ГЛАВА 1. Кофемашина и римский акведук

Я не волшебник и не избранный. В пророчествах обо мне ничего не сказано, а если бы кто-то и ждал спасителя, он бы выбрал человека с биографией получше. Я чиню кофемашины. В Москве это, если разобраться, почти то же самое: ко мне приходят, когда уже никто не помог, и очень удивляются, когда я помогаю.

Меня зовут Давид. Вообще-то не совсем так, но об этом позже. Пока просто Давид.

В понедельник, в десять утра, я стоял на коленях в переговорной на двадцать втором этаже башни «Федерация», перед итальянской кофемашиной размером с холодильник. По табличке она стоила как подержанная «Лада» в приличном состоянии. Рядом, скрестив руки, ждала офис-менеджер Анжела. Окна в башне не открывались, воздух гоняли кондиционеры, и пах он на всех этажах одинаково: пластиком и чужими духами. На груди у Анжелы болтался бейдж с тремя пропусками на одной ленте. Это был единственный предмет в офисе, который выглядел по-настоящему уставшим.

Колени у меня уже подавали жалобу. Пол в переговорной был выложен плиткой, а плитка к людям моего возраста и профессии жалости не знает.

— Вы у нас четвертый, — сказала Анжела. — Первые двое сказали, что надо менять плату. Пятьдесят тысяч.

— А третий?

— Третьего директор лично привёл, говорит, свой, сантехник. Постоял, покрутил что-то, сказал «тут всё забито» и ушёл. Мы ему тысячу заплатили за консультацию.

— За что?

— За «всё забито».

— Он, в общем, прав, — сказал я. — Только не всё. Забито одно место.

Плата была в порядке. Любой, кто потратил бы на неё пять минут вместо пятидесяти тысяч, это бы понял. Беда сидела в обратном клапане, крошечном, в самой гидравлике. За три года на московской воде он оброс накипью с одной стороны и стал садиться косо. Вода шла неровно, дрожала, ловила воздух. Машина замолкала и показывала ошибку, понятную только ей самой.

Я выкрутил клапан и поднёс к свету. Размером с фалангу мизинца, весь в белом налёте. От него пахло кислым: прелая вода, накипь и три года чужого утреннего кофе. Я узнаю этот запах с закрытыми глазами, как другие узнают запах своей лестницы. Клапан я положил на салфетку, которую достал из рюкзака заранее. Чистая салфетка в моей профессии роскошь, а запасная уже признак цивилизации.

— Всё решает уклон, — пробормотал я, больше себе, чем ей. — Если вода идёт под неправильным углом, она обижается. Как акведук Пон-дю-Гаре. Там на пятьдесят километров высота падает всего на семнадцать метров. Тридцать четыре сантиметра на километр. Римляне считали на глаз, и работало больше пяти веков.

— Вы там были? — спросила Анжела.

Вот тут надо было промолчать. Но клапан лежал на салфетке такой простой и правильный, что я забылся.

— Конечно, — сказал я. — Мы там ставили… в смысле, смотрел. На открытках.

Тишина продлилась секунд три. Я успел обругать свой язык, расчёску, которую так и не купил, и весь второй век нашей эры. Тогда я командовал бригадой, чинившей кусок этого самого водовода, и до сих пор помнил, где там отваливается раствор.

Это было не воспоминание в обычном смысле. Это был запах: сырой известковый раствор, жара, мулы и чеснок от соседнего костра. Он поднялся изнутри и встал в носу так отчётливо, что я чихнул. Анжела вежливо сказала «будьте здоровы», хотя явно хотела сказать что-то другое.

— На открытках, — повторила она.

— Очень подробных, — подтвердил я и взялся за пинцет.

Пинцет дрожал чуть сильнее, чем положено мастеру. Хорошо, что клапаны не читают по лицам.

Через двадцать минут машина выдала двойной эспрессо. Над столом поднялось тёплое коричневое облако, и в переговорной на секунду стало почти уютно, как в квартире, где наконец включили отопление. В дверь заглянул директор, понюхал воздух, ничего не сказал и ушёл. Анжела налила чашку, сделала глоток и закрыла глаза.

— Сколько я вам должна?

— Три тысячи.

— Как три? Тем, первым, пятьдесят надо было, а вы три?

— У них, наверное, накладные расходы. А у меня метро и совесть.

Я вытер руки влажной салфеткой, давно просившейся на пенсию, сложил инструменты в рюкзак в том же порядке, в каком доставал, и отряхнул колени. На них остались два серых круга от плитки. Я выглядел так, будто долго молился на кафельный пол и не был услышан.

Анжела добавила тысячу «на кофе» и записала мой номер. Я знал, что она не позвонит. Клиенты не звонят второй раз: если починилось с первого, зачем им мастер. Это профессиональная беда тех, кто работает хорошо. Электрик, мой приятель, говорит, что за аккуратную работу нас в следующий раз просто не вспоминают. Он считает это болезнью. Я привык.

* * *

Дело в том, что я умею многое, чего не должен уметь тридцатипятилетний москвич без профильного образования. Мама объясняет это соседям одной фразой: «Талант у него. В деда». Это когда соседи спрашивают, как сын починил лифт, не вызывая бригаду.

Деда у меня, конечно, не было. То есть был, но он разводил кроликов и не отличал паяльник от пассатижей. Кролики у него, кстати, жили лучше, чем я в студенчестве: с отоплением и ели по расписанию.

Мне было четыре, когда это началось. Я сидел на кухне, на табуретке, застеленной газетой «Труд», и смотрел, как отец безуспешно оживляет старый ламповый приёмник. Назывался он «Рекорд». У него был зелёный глазок настройки, который то раскрывался, то сужался, как кошачий зрачок. Пахло канифолью, табаком и борщом, простоявшим на плите ровно сутки. И вдруг я понял, что отец делает всё не так. Не просто не так. Я знал, что именно сгорело, где лежит нужная деталь и как её распаять.

Я слез с табуретки, подошёл и сказал очень спокойным взрослым голосом:

— Пап, дай-ка паяльник. И конденсатор не трогай, ты его сейчас убьёшь.

Отец уронил отвёртку себе на ногу.

Приёмник я починил за двадцать минут. А потом сел на пол и ревел до вечера. Вместе с радио вернулось всё остальное: несколько тысяч лет чужих жизней, которые на самом деле были моими. Мама потом говорила, что ребёнок плакал «как старик». Это была чистая правда.

С тех пор я привык. К воспоминаниям привыкаешь, как к гулу холодильника: сначала не даёт спать, потом перестаёшь замечать. Хуже всего с языками. Они всплывают сами, в самый неподходящий момент. Однажды в МФЦ я сказал «спасибо» по-древнегречески пожилой жен-

щине, которая оформляла мне справку. Она заплакала. Оказалось, что мать у неё была гречанкой. Я потом неделю ходил в другой МФЦ, на соседней улице, чтобы не встречаться с ней глазами.

Я не один такой, но об этом тоже потом. Пока запомните одно. Я чиню кофемашины, потому что это единственная работа, где никто не спрашивает «а откуда вы это знаете?». Всем всё равно. Лишь бы кофе был горячий.

* * *

Домой я ехал на метро. В рюкзаке лежали отвёртки, пинцет, банка с лимонной кислотой и бутерброд в пакете от прошлого бутерброда. Лямка лопнула ещё в августе, и я починил её английской булавкой с красной бусинкой из маминой коробки с пуговицами. С тех пор булавка держала на себе большую часть моей самооценки. В вагоне пахло мокрой шерстью, резиной и тёплой пылью, которую поезд гонит перед собой из туннеля. По этому запаху я безошибочно определяю, что дождь в Москве идёт уже второй день.

На «Октябрьской» я заметил мужчину.

Сначала просто заметил, как замечаешь любого человека в вагоне. Лет пятидесяти. Тёмное, цвета графита, пальто свободного кроя из тех, что висят в бутиках на Кузнецком без ценников: ценник там считается неприличным. Без шляпы. Аккуратная стрижка, лицо человека, у которого есть личный стилист и нет вопросов к цене.

В одной руке он держал длинный чёрный зонт, закрытый и совершенно сухой, хотя с обеда моросило. В другой газету. Бумажную. В две тысячи двадцать шестом году.

Меня это насторожило сильнее, чем если бы он держал бомбу. Бомбу хотя бы можно объяснить. Бумажную газету в метро носят пенсионеры или шпионы, а пенсионеры не умеют стоять так, чтобы выглядеть совершенно случайными. К тому же от газеты пахло свежей типографской краской. Газеты в метро так не пахнут: их читают вчерашними, помятыми, пропитанными чужими руками. Эту только что достали из упаковки.

Когда он переложил зонт в другую руку, я разглядел ручку. Тёмное дерево, резьба, явно не конвейер: кто-то долго сидел над ней с маленьким ножом. То ли змея, свернувшаяся кольцом, то ли просто завиток. Глазами змее служили две крошечные чёрные бусинки. С такими зонтами в кино ходят лорды и убийцы. В нашем метро он смотрелся как рояль в «Пятёрочке», а рядом со мной, в куртке, которую жена, будь у меня жена, давно бы вынесла на помойку, выглядел вообще как с другой планеты.

Через час я зашёл в пельменную на Профсоюзной. Он сидел через два столика и заказывал чай. Зонт стоял у стены, и официантка обходила его по дуге, как дорогую вазу. Я взял пельмени со сметаной и сделал вид, что изучаю меню, которое не менялось, кажется, с момента открытия метро. Пахло уксусом, лавровым листом и мокрыми куртками, сохнущими на спинках стульев. Сметаны принесли столько, будто хотели меня задобрить.

Ладно, подумал я. Совпадение. Москва большая, но пельмени у нас любят все.

А когда я вышел и увидел его на остановке напротив, уже без газеты, но с видом человека, который здесь родился, совпадение кончилось.

«Коллекторы, — решил я. — Или налоговая».

У меня самозанятость и очень творческое отношение к чекам. Но налоговая не ходит за людьми по городу, она присылает письма. К тому же я брал так мало, что любая налоговая приняла бы меня за благотворительный фонд. А коллекторам с меня нечего взять, кроме отвёрток. И коллекторы, которых я видел, с резными зонтами не ходили.

Я свернул во дворы, прошёл два квартала, оглянулся: никого. Выдохнул. Купил на углу ещё один бутерброд, потому что нервничать на голодный желудок вредно для печени, и пошёл домой.

Мама позвонила, когда я поднимался по лестнице.

— Давид, ты поел?

— Мам, мне тридцать пять.

— Это не ответ.

— Поел. Два бутерброда.

— Это не еда, — сказала мама. — Это отчаяние.

И повесила трубку. Она всегда знает, где поставить точку.

Я остановился у окна на площадке, чтобы отдышаться: лифт у нас сломан с весны, а одышку я, при всех своих тысячелетиях, получил от нынешнего тела вместе с любовью к булочкам. Выглянул во двор.

Под единственным фонарём стоял он. Графитовое пальто, голова не покрыта, газета в руках. Зонт он держал над собой раскрытым, и в свете фонаря я наконец разглядел: всё-таки змея.

Он поднял голову, нашёл моё окно и очень вежливо, почти по-светски, кивнул. Как знакомому, с которым давно не виделись, но знают, что скоро увидятся.

Налоговая так себя не ведёт. Налоговая присылает письма.

Тогда я ещё не знал, что этот человек будет самым вежливым из всех, кто захочет меня убить в ближайшие месяцы.

ГЛАВА 2. Панкратион на лестничной площадке

Утром я проснулся с твёрдым решением не быть параноиком. Постель заправлять не стал, чтобы выглядеть спокойным хотя бы перед самим собой. Решение продержалось до чайника.

Чайник стоял у окна на кухне, электрический, с вечно запотевшей крышкой. Пока он закипал, я, конечно, выглянул во двор. Пусто. Ни пальто, ни зонта, только дворник-таджик неторопливо гонял листья из угла в угол. На подоконнике в банке из-под майонеза доживал алоэ, подаренный мамой «для здоровья». Судя по виду, здоровья у него было больше, чем у меня. Я успокоился, заварил чай, доел вчерашний бутерброд и пошёл на работу.

Мужчина с зонтом ждал через дорогу, у кофейни, с бумажным стаканом в руке. Газету он держал на вытянутых руках и не смотрел в текст, как читают только в кино. Увидел меня и слегка приподнял стакан. Тост.

— Доброе утро, — сказал я вслух, ни к кому не обращаясь.

Если за тобой следят, первое правило: не показывать, что заметил. Второе: если уже показал, вести себя так, будто всё идёт по плану. Я кивнул ему, как соседу, и зашагал к метро. Внутри что-то мелко дрожало, как та вода в клапане.

* * *

Рабочий день у меня расписан плохо, зато честно: два вызова и один отказ. Первым была стоматология на «Тульской». Капсульная кофемашина там умерла от недостатка внимания. В приёмной пахло мятной пастой и чужим страхом, и я, хоть пришёл вовсе не к зубному, на всякий случай проверил языком собственные зубы. Все на месте. В моём возрасте это уже достижение, а не данность.

Вторым был магазин сантехники. Хозяину пришлось объяснять, что кофе у него невкусный потому, что он льёт в машину воду из-под крана, которой моют полы.

Мужчина с зонтом всё время был рядом. Не вплотную: метрах в двадцати, как положено профессионалу, и точки менял, как профессионал. В клинике он сидел в приёмной и листал журнал про здоровые дёсны. В магазине сантехники стоял в соседнем отделе и разглядывал смесители с лицом человека, которому срочно нужен смеситель.

К вечеру я почти привязался к нему. Он три раза за день спас меня от одиночества в метро.

— Слушайте, — сказал я наконец, когда мы оба вышли из магазина и оказались на тротуаре шагах в шести друг от друга. — Если вы из налоговой, мне что-то надо подписать?

Он улыбнулся, аккуратно и дорого, как всё остальное.

— Простите? — Голос у него был мягкий, почти бархатный, с лёгким акцентом, который я не смог определить. Что-то из центральной Европы, обточенное многими годами в чужой речи.

— Вы за мной ходите. Я подумал, у вас бумаги.

— Вы ошибаетесь, — сказал он без тени смущения. — Я просто гуляю.

Мы оба посмотрели на небо. Серо-стальное. Второй день с него сыпалась мелкая холодная дрянь. Зонт у него, кстати, по-прежнему оставался закрытым.

— Гуляйте, — сказал я. — Только в такую погоду это вредно для здоровья.

— Всего доброго, господин Давид.

Он развернулся и ушёл, не оглядываясь, постукивая зонтом по асфальту.

Я стоял секунд десять, прокручивая его последние слова. И только потом дошло.

Я не называл ему своё имя.

* * *

В подъезд я вошёл с одним желанием: запереться, выпить чаю и подумать. В правой руке у меня был пакет из «Магнита» с хлебом и гречкой, набор, который лучше любого паспорта объясняет, кто ты по жизни. Желание не сбылось.

На втором этаже, где вечно перегорает лампочка, меня ждали двое. Крупные, в одинаковых чёрных куртках, с приплюснутыми лицами. Один жевал жвачку, второй просто смотрел. От них пахло перегаром, дешёвым табаком и страхом: тем кислым страхом, какой бывает у людей, которых послали пугать, а они не очень умеют.

— Игорь Васильевич? — спросил тот, что жевал.

— Нет.

— Не врите, — сказал второй. — Мы вас с вечера ищем.

Тут я даже обрадовался. За последние сутки у меня накопилось слишком много вопросов, и вдруг один оказался простым. Коллекторы! Настоящие, живые! Нормальное объяснение!

— Ребята, — сказал я. — Я не Игорь Васильевич. Я Давид. Игорь Васильевич жил здесь до меня, года два как съехал.

— Он должен нам триста сорок тысяч, — сообщил жующий.

— Охотно верю. Но я ему не родственник.

— Родственник, не родственник, — философски заметил второй и шагнул вперёд. — Разберёмся.

Дальше всё произошло быстро, я потом долго восстанавливал последовательность.

Он потянулся схватить меня за рукав. Это был именно тот жест, на который у моих рук с четырёх лет есть собственное мнение. Что-то во мне, жившее ещё до моих родителей, до Москвы и до слова «коллектор», щёлкнуло, как реле.

Афины, четвёртый век до нашей эры. Палестра, песок под босыми ногами, запах оливкового масла и пота. Старый учитель с кривым носом, Аристон, орёт на меня на языке, на котором теперь никто не говорит: «Не думай, мальчишка! Думают те, кто проигрывает!»

Я перехватил его запястье левой рукой, шагнул под руку и, как учил Аристон, аккуратно вывернул кисть. Всё его немалое тело решило, что падать лучше. Он и упал. Не больно, но с большим удивлением, и лежал, глядя в потолок, как человек, которому сообщили, что Земля плоская.

Второй успел замахнуться. Я присел, кулак прошёл над головой, я поймал его за локоть левой рукой и прижал спиной к стене. Не ударил, просто лишил опоры. Правая рука всё это время держала пакет с гречкой, и пакет ни разу не коснулся пола. Горжусь этим больше, чем самим приёмом. Жвачка вылетела у него изо рта и прилипла к почтовому ящику соседки сверху.

— Тихо, — сказал я. — Спокойно. Я же говорю, вы ошиблись квартирой.

Они смотрели на меня странно. Так смотрят на кофемастера, у которого вдруг оказался чёрный пояс.

— Вы кто? — выдавил тот, что лежал.

— Я? Мастер по кофемашинам.

— По чему?

— По кофе. Хотите, починю вам кофемашину? Недорого.

Минуту мы молчали. Потом тот, что стоял у стены, осторожно, словно боялся меня спугнуть, отодвинулся.

— Пошли, — сказал он напарнику. — Это не он.

— Я же говорил, — сказал я.

Они ушли тихо, второй всё время оглядывался, как на привидение. Жвачка осталась на почтовом ящике. До утра никто не решился её снять.

* * *

Я стоял на площадке, тяжело дыша, и отпускал то, что в меня вернулось. Так всегда: тело вспоминает быстрее головы. Пальцы ныли от захвата, колено помнило стойку, а голова только начинала подбирать слова вроде «а неплохо вышло». Во рту было кисло, как от медной монеты. Тело возвращается из прошлого первым, а язык последним.

И тут я услышал шаги внизу.

Не тех двоих. Другие: размеренные, лёгкие, с коротким постуком, будто кто-то аккуратно ставит на ступеньки трость. Или длинный зонт.

Я подошёл к перилам и глянул в пролёт. Запах поднялся раньше, чем он сам: бергамот, холодная кожа и свежая типографская краска. Так, наверное, пахнет очень хорошо организованное одиночество. На первом этаже, под тусклой лампой, стоял он. Графитовое пальто, сухие плечи, газета под мышкой. Он не поднимался и не спешил, просто смотрел на меня снизу. И на лице у него было то, что я потом много раз вспоминал: довольство. Спокойное и очень внимательное довольство человека, который увидел то, что надеялся увидеть.

В свободной руке у него был телефон. Он быстро что-то набрал и убрал в карман.

Потом снова посмотрел на меня и вежливо, по-светски склонил голову. Не как вчера, знакомому, а иначе. Так кланяются зрителю, которому понравился номер.

И ушёл.

Я остался на лестнице. В голове крутилась одна холодная и очень трезвая мысль: настоящие коллекторы не стали бы ждать, пока я разберусь с их коллегами. Они вообще не стали бы ждать.

Он не вмешался. Не испугался. Просто смотрел.

И записал.

ГЛАВА 3. Зал без зеркал

(Замок. Третье лицо.)

Снег выпал в ту ночь раньше, чем обещал прогноз. Замок принял его так же спокойно, как принимал всё за триста лет: молча, не меняя выражения.

Снаружи это был музей. Экскурсантов не пускали: реставрация тянулась уже одиннадцатый год. Внутри всё было иначе. Под старым камнем лежал бетон, под гобеленами оптоволокно, а в бывших винных погребах гудели серверы, словно там заперли ульи. Пахло воском, холодным камнем и озоном. Этот запах Ансельм слышал даже во сне. Орден не застрял в прошлом, он только любил, чтобы прошлое было на виду, а настоящее работало тихо.

Одну проблему за триста лет так и не победили: в кухне для персонала висела табличка «Мойте за собой чашки». Бумага пожелтела. Табличка висела там дольше, чем существовала сама просьба.

Ансельм Вернье шёл по галерее четвёртого этажа в Зал Круга и считал шаги. Привычка из одной ранней жизни: от точного счёта зависело, вернёшься ли ты из дозора. Сто двадцать. Поворот. Ещё сорок. В кармане он перебирал огрызок карандаша, которым давно ничего не писал, а от него самого пахло старой бумагой и сухим клеем, как от человека, который всю жизнь что-то хранил.

Ему было пятьдесят восемь. Тёмный костюм, без галстука, вид человека, который всю жизнь заведовал чем-то скучным и важным. Архивом, например, или банковским хранилищем. Утром он полчаса искал левый носок, и это для человека, помнящего тысячи лет, было особенно обидно.

Девятнадцать лет назад в Лионе к нему подошёл вежливый человек с газетой и назвал его первое имя. То, которое Ансельм ни разу за эту жизнь не произносил вслух. Он тогда подумал: либо конец, либо начало. Вышло и то и другое.

В замке не было зеркал старше двадцати лет. Не было ртутных термометров, барометров, старинных люстр с серебристой изнанкой. Сначала Ансельм думал: эстетика. Через год: суеверие. Через десять перестал думать, просто отметил: у Главы есть вкус, и у вкуса есть границы, которые никто не объясняет.

Зал Круга был круглый, как положено. Каменный пол, тёмный дубовый стол, лампы светят вниз, на столешницу, а стены остаются в полумраке. Пахло здесь всегда одним и тем же: воском, холодной золой и чем-то металлическим, как в кармане, где носят мелочь. В дальнем конце стоял пустой тяжёлый стул, а за ним, там, куда свет не достаёт, сидел тот, кого называли просто Главой. Лица его при свете не видел никто. В свет он не выходил.

— Вы опоздали на сорок секунд, — сказала сестра Марта, не поднимая глаз.

— Я считал шаги.

— Считайте молитвы.

Марте за шестьдесят. Спина прямая, седая коса уложена вокруг головы, серое платье, как у послушницы, хотя религиозной одежды Орден публично не признавал. От неё пахло крахмалом и свечным воском и ещё чем-то сухим, как от выглаженной простыни, на которой никто не спал. Она верила. Верила, как умеют верить те, кому в конце концов пообещали.

Напротив сидел брат Кассиан, самый молодой из троих, на вид лет тридцати пяти, с мягким лицом и мягкими руками. Он вертел на пальце кольцо без камня. В кармане пиджака у него всегда лежали мятные леденцы: он сосал их, когда боялся, и над столом тянулся тонкий холодный запах мяты. Кассиан кивнул Ансельму и промолчал.

Перед каждым стояла бутылка воды без газа и блокнот с гербом Ордена. Никто их не открывал. Записывать здесь было нечего, а запомнить всё и так приходилось против воли.

Трое за одним столом. Трое перерождённых при Главе. Об этом не знал никто из тысяч людей на нижних ступенях Ордена: для них Круг был святым делом, а перерождённые были ворами, укравшими чужие жизни. Только эти трое знали, как Круг выглядит изнутри.

На стене загорелся экран. Москва, салон машины, ночь за стеклом. Эмиль Рорбах, лучший наблюдатель Ордена, обычный человек, без дара и без претензий на него. На соседнем сиденье лежала газета, зонт стоял между сиденьями, а на панели остывал бумажный стакан кофе: единственная слабость, которую Рорбах себе позволял.

— Докладывайте, — сказал голос из темноты.

Негромкий, ровный голос. Так говорят те, кому давно не нужно повышать тон. Ансельм слышал его девятнадцать лет и до сих пор не мог поймать в нём возраст. Он мог бы описать по запаху каждого человека в этом доме. Только Глава ничем не пах. На месте дальнего стула была пустая комната.

— Объект: Давид, тридцать пять лет, Москва, — начал Рорбах. — Самозанятый, чинит кофейное оборудование. Образования по профилю нет, а знания удивительные. Данные информатора подтверждаю. В четыре года мать водила его к детскому неврологу на Соколе. Врач записал: говорит «как старик», починил радиоприёмник, ночью плакал на непонятном языке. Запись попала к нам в обычном порядке.

— Тридцать один год назад, — сказала Марта. — А мы только сейчас…

— Врач не придал значения, — спокойно ответил Рорбах. — Информатор тоже. Мы подняли архив по другому делу, и совпал адрес.

— Дальше.

— За сутки два признака. Первый: древнегреческий. В МФЦ он, по словам сотрудницы, поблагодарил её на языке, которого не знают ни в одном вузе страны. Второй: вечером двое людей, нанятых нами для проверки…

— Вы наняли коллекторов, — перебил Ансельм.

— Я нанял двух людей, у которых был повод оказаться на его лестнице, — поправил Рорбах без смущения. — Он обезвредил обоих приёмом, которого нет в современных школах. Афинская борцовская традиция, панкратион. Ни одного удара, он просто лишил обоих опоры. Когда его спросили, кто он, ответил: «Мастер по кофемашинам».

Кто-то коротко выдохнул. Ансельм не сразу понял, что это он сам. Он улыбнулся и сразу стёр улыбку.

— Он перерождённый, — сказала Марта. — Это ясно как день.

— Возможно, — сказал голос. — А возможно, просто одарённый. Мир полон людей с редкими способностями, сестра Марта. Различие одно: первое имя. Пока мы его не услышали, это вероятность.

— Мы можем взять его и спросить.

— Мы можем взять его и получить мёртвого мальчишку через сутки. В новом теле, в новой стране, с новым лицом, потеряв ещё одну нить. Нет. Вы забыли правило: убить их легко, убить так, чтобы они не вернулись, трудно. Нужен предмет. А чтобы найти предмет, нужны время и осторожность.

Стало тихо. Кассиан, не поднимая головы, спросил:

— А если он не знает, что украл? Если он просто… живёт?

— Незнание не оправдание, брат Кассиан, — мягко ответил Глава. — Ребёнок, в которого он вошёл, тоже ничего не знал.

Фраза повисла над столом. Кассиан перестал вертеть кольцо.

— Что с объектом? — спросил Рорбах.

— Ничего. Наблюдать, не трогать. Захочет бежать, пусть бежит: они всегда бегут туда, где их ждут. Нас интересует не он, а то, к кому он придёт. — Пауза. — Та, что в Азии, снова ускользнула?

— Пока да, — сказал Ансельм. Азиатское направление было его. — След остыл месяц назад, но город известен.

— Значит, у нас появилась приманка. Спасибо, Эмиль. Вы свободны.

Экран погас. Остались трое и темнота.

— Глава, — сказала Марта и неожиданно опустилась на одно колено, хотя никто не просил. — Скажите, когда? Когда мы получим то, что вы обещали?

Ансельм смотрел на неё, и внутри у него холодело. Она спрашивала это каждые несколько месяцев, как дети спрашивают, скоро ли праздник.

— Когда Круг очистится от воров, — сказал голос. — Тогда вы сможете переходить из жизни в жизнь по собственной воле, не теряя ни дня и ни капли разума. Я обещал и помню. Верная служба единственная плата.

— Благодарю, — прошептала Марта.

Кассиан смотрел в стол. Ансельм смотрел в темноту.

Эту фразу он слышал в разных вариантах девятнадцать лет и был единственным, кто заметил её особенность: в ней не было ни одного глагола в настоящем времени. Только «когда», «сможете», «получите». Он проверил три архива и две частные библиотеки. Никто и никогда никого не учил переходить из жизни в жизнь по собственной воле. Ни в одной эпохе, ни в одной рукописи. Этому нельзя научиться, как нельзя научиться родиться.

Он молчал об этом девятнадцать лет и сам не знал, чего ждёт.

* * *

После совещания Ансельм остановился у высокого окна галереи. На подоконнике стояла чья-то кружка с недопитым чаем уже вторые сутки: в доме, где люди живут по несколько тысяч лет, ничто не убирается так медленно, как посуда. За стеклом шёл снег, густой и неторопливый. В тёмном стекле отражалось его лицо: архивариус, пятьдесят восемь лет, тёмный костюм. Старых отражений здесь не было, только новые, чёткие, без мутной глубины старинных зеркал.

В руках у него была папка по Москве. Он открыл последнюю страницу. Рорбах сухо записал диалог на лестнице: «На вопрос "Кто вы?" ответил: "Мастер по кофемашинам". Предложил починить кофемашину. Недорого».

Человек, который мог ударить и не ударил. Отвечает шуткой, когда его пытаются сломать. Таких Орден уничтожал первыми, потому что с ними труднее всего.

Ансельм закрыл папку. Впервые за много лет он подумал не о приказе. Он подумал, что у парня в Москве, должно быть, отличный характер. Иначе он бы не выдержал того, что явно выдерживает давно.

Он ещё не знал, что пожалеет об этой мысли. Или что она окажется самой полезной за все его жизни.

ГЛАВА 4. Лимонная кислота и вылет

Я не спал. Сидел на кухне, пил вчерашний чай, который за ночь приобрёл цвет и характер старой лужи, и думал о том, о чём не думал лет тридцать: кто я такой.

Вообще-то я не склонен к самоанализу. Когда за спиной несколько тысяч лет, самоанализ похож на сидение на собственных поминках: все вспоминают хорошее, а ты хочешь, чтобы они перестали. Но эта ночь была другой. На моей лестнице стоял человек с газетой и записывал меня в телефон.

Вспомнился детский невролог. Кабинет с жёлтым линолеумом на Соколе, мама в синем плаще, мой ботинок, который никак не хотел завязываться: руки детские, голова нет. Пахло хлоркой, горячей пылью от батареи и мокрыми варежками. Врач был тихий, в круглых очках. Он не говорил «не выдумывай». Он слушал и писал, простым карандашом, и грифель визжал по бумаге на одной ноте. Писал он слишком много для человека, который собирается поставить диагноз «богатая фантазия».

Тогда я не придал этому значения. Теперь придал. Кто-то, где-то, когда-то прочёл ту запись, и у неё выросли ноги, а потом ещё и зонт.

Значит, надо ехать. Только куда? У кого искать ответы на вопросы, которые я не задавал себе две тысячи лет? Всё, что я знаю о себе, я знаю изнутри, как знают про собственный желудок: работает, а как, лучше не спрашивать.

И тут я вспомнил запах.

Сухая пальмовая листва, сажа от масляных ламп, чьи-то жареные лепёшки. Вторая жизнь. Индия, монастырь близ Бенареса, третий век до нашей эры. Я был писцом и двадцать лет переписывал тексты на пальмовых листьях. Эта жизнь осталась в памяти размытой, как ранние детские воспоминания: первые две всегда даются тяжелее остальных. Но кое-что я помнил ясно. Шкаф в дальнем углу библиотеки, который старшие запирали на ключ. И шёпот, что там лежат тексты «о колесе без спиц».

В двадцать лет я не обратил на это внимания. Теперь колесо без спиц показалось мне знакомым.

Я открыл ноутбук. Электронная виза в Индию у меня, как ни странно, уже была: годовая, оформленная в январе, когда я собирался в Гоа и передумал по причинам, которых уже не помню. Фотография в ней стояла на фоне книжного шкафа, и шкаф вышел выразительнее меня. Билет на ближайший рейс нашёлся за десять минут. В один конец: обратный я не планировал. Стоил он дорого. Я летел в Индию впервые за две тысячи триста лет, а авиакомпании скидок за стаж не дают.

* * *

Маме я позвонил в восемь утра. В девять она позвонила бы сама.

— Давид, что случилось?

— Ничего, мам. Я улетаю в Индию.

Пауза. В трубке тикали часы на её кухне, я слышал, как она ставит чашку на блюдце.

— Ты прививки сделал?

— Мам, я там уже был.

— Когда?!

— Давно. До тебя.

— Давид, опять твои шутки. Надолго?

— Не знаю.

— У тебя что-то случилось?

Здесь надо было соврать. Но я вдруг понял, что за тридцать пять лет ни разу не соврал ей по-настоящему, только недоговаривал. Это, пожалуй, разница.

— Случилось, мам. Но ничего страшного.

— Это не ответ, — сказала мама. Голос у неё стал тише. — Ты будешь осторожным?

— Буду.

— Привези чай. Хороший, не из пакетиков. И не геройствуй.

— Не буду.

— Врёшь, — сказала мама и повесила трубку.

Я ещё минуту стоял с телефоном и смотрел, как в окне напротив кто-то развешивает на балконе бельё. Люди живут так спокойно, будто за ними никто никогда не ходил с зонтом.

* * *

В Шереметьево я приехал за четыре часа: тот, за кем следят, любит приходить заранее. Это не логика, это нервы. Паспорт я проверил семь раз: три дома, два в такси, два у входа в терминал. Для человека, который когда-то ходил в поход с римским легионом, это был не лучший показатель хладнокровия. В зале вылета пахло кофе, пластиком и дорогими духами из дьюти-фри, и от этой смеси у меня засосало под ложечкой, как перед экзаменом.

Графитовое пальто я заметил сразу. Запах бергамота дошёл до меня раньше, чем я его разглядел. Он стоял у кофейного автомата на втором этаже и читал бумажную газету. Зонт был прислонён к колонне, закрытый: в аэропорту дождь не предусмотрен. Единственное, что мне в нашей встрече нравилось.

Я отступил за колонну. У стойки регистрации на Китай топталась группа туристов в одинаковых жёлтых кепках «Great Wall Travel», человек сорок. Гид, молодая женщина с мегафоном, пересчитывала их по головам и каждый раз сбивалась.

Я подошёл и заговорил по-китайски.

Мой китайский такой, каким его говорили в Чанъани в восьмом веке: вежливый до невозможности, весь в церемонных оборотах и стихах, которые давно никому не нужны. В той жизни я был лекарем при монастыре, и мы там общались именно так.

— Госпожа, прошу простить мою дерзость, — сказал я. — Не найдётся ли лишней кепки для усталого путника?

Гид застыла, потом расхохоталась так, что чуть не выронила мегафон.

— Вы говорите как мой дедушка из учебника! — выдохнула она по-русски, вытирая слёзы. — Берите! У нас четыре лишних.

Через минуту я стоял в жёлтой кепке посреди пожилых китайцев и чувствовал, что побег удался. Кепка была мала и пахла чужим клубничным шампунем, но я в ней ощущал себя почти разведчиком. Хотя разведчики обычно не летят с пинцетом в рюкзаке. Бабушка рядом поправила мне воротник и что-то ласково сказала. Я перевёл про себя: «Худой, надо кормить». И покраснел.

Группа двинулась к стойкам. Гид снова считала: «Сорок один! Сорок один?! Сорок!» Я пригнулся и держал дистанцию. Когда оглянулся, у автомата никого не было. Зонт всё так же стоял у колонны, как забытая трость.

Нет. Не забытая. Оставленная.

Я решил об этом не думать.

* * *

Досмотр я прошёл не сразу.

Рюкзак въехал в рентген, загорелась тревога. Сотрудница, строгая женщина лет сорока, вынула отвёртки, пинцет и банку.

— Что это?

— Лимонная кислота.

— Для чего?

— Для кофемашин.

— Для чего?

— От накипи, — сказал я. — В московской воде много кальция, он оседает на нагревателе. Лимонка его растворяет, если правильно развести. Многие льют концентрат, и тогда страдает уплотнитель…

Я заметил, что она слушает. Не как досмотрщик, а как человек, у которого дома есть кофемашина.

— У меня капсульная, — сказала она. — В последнее время плюётся.

— Паровой клапан забит. Раз в месяц пускайте цикл с раствором, холодной водой. Не горячей, иначе…

Подошла вторая сотрудница, потом третья. Очередь за мной зашепталась. Я объяснял про клапаны, про давление, про то, почему нельзя уксус, и одновременно подписывал бумагу, что банка является бытовой химией. Банку оставили при одном условии: я должен был сказать, как отмыть накипь в чайнике в комнате отдыха. Я сказал, стараясь не думать, что бутерброд остался дома, на кухне, вместе с последними остатками здравого смысла.

В итоге я прошёл контроль с двумя новыми клиентками и мыслью, что за консультации надо брать деньги. Кепку тихо снял в туалете и выбросил в урну. Было стыдно, но китайская бабушка вряд ли обидится на кепку.

* * *

Самолёт взлетел вовремя. Для рейса, на который я опаздывал морально, это было настоящее чудо. Я втиснулся в кресло у иллюминатора. Места для колен там было примерно столько же, сколько у меня надежды на спокойный месяц. Только тогда я выдохнул. Москва уходила вниз, огромная, мокрая, с огнями, как рассыпанные бусы. Где-то там остались мама, моя кухня, жвачка на почтовом ящике и человек с газетой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.